

Сергей Аксентьев

Когда быстроходный катерок ошвартовался у пирса, я и не предполагал, какие чудеса мне доведется повидать. Цель поездки на остров Первомайский состояла в знакомстве с маяками.

После неспешного чаепития хозяин предложил пройтись по острову. Первое открытие ожидало буквально в паре метрах от места встречи. В центре прямоугольника, обрамленного поребриком и оградой из корабельных цепей, из земли торчал кусок клепаной стальной трубы более метра в диаметре, окрашенный шаровой краской. В торце мемориала на кирпичном пилоне выделялась мраморная доска с надписью: «Воин! Поклонись своей истории. Перед Вами непобежденная территория революции 1905 года – останки фок-мачты легендарного броненосца «Потемкин»». Я удивленно посмотрел на гида. «Да, – ответил он, – это остаток мачты с многострадального броненосца «Князь Потемкин Таврический», закончившего свой век на разделочной базе Комгосфонда в Севастополе».



Там чудеса...

В 1926 году гидрографы обратились к командованию ЧФ с просьбой отдать им часть фок-мачты броненосца для использования в качестве заднего створного маяка. Просьбу удовлетворили. В 1957 году ее заменили щитом, а отслужившую срок мачту распилили на части и предали в музей Санкт-Петербурга (тогда еще Ленинграда), Москвы, Сева-

стополя, Николаева и Одессы как революционно-исторические реликвии. Там они сейчас и находятся.

В очерке «Загадки белой ладьи» («Морской флот» №1/2, 2010) я рассказал о последних годах жизни Михаила Ставраки, руководившего расстрелом на пустынном острове Березань своего однокашника Петра Шмидта и его товарищей. Тогда я даже не мог и предполагать, что в мае

Скрытый от глаз

Часть 2. Окончание, см, # 255 «Кия»

2013 года мне доведется побывать на Березани у подножья мемориальной стелы, установленной на месте расстрела 6 марта 1906 года революционных мятежников, а на острове Первомайский увидеть каземат, в котором Петр Шмидт содержался последние месяцы перед исполнением приговора.

Обогнув ажурный щит заднего створного знака, мы оказались в начале аллеи, ограниченной слева заслоном высоких тополей и акаций, справа сплошными строениями бетонных казематов. И вот тут я и увидел тот самый каземат. Как пояснил гид, в советские времена в нем находился небольшой музей, воспроизводящий обстановку последних дней пребывания в нем руководителя восстания Петра Петровича Шмидта. Сейчас он пуст.

Оценка роли и личности Петра Шмидта в ноябрьском восстании 1905 года на крейсере «Очаков» представляет пеструю палитру мнений. Здесь не место их анализировать. Я лишь выскажу свое восприятие. Во-первых, для меня было откровением само существование на Первомайском острове этого каземата. Во-вторых, ощущение от его посещения осталось жутковатое. Узкий сводчатый коридор, толстые серые стены в подтёках, запах плесени и холод преисподней осязаемо давили своей безысходностью, и хотелось поскорей вырваться из этого мрака на залитую солнцем улицу.



Подобные ощущения испытывала и молодая особа Зинаида Ризберг, впервые переступившая этот порог в январский день 1906 года.

Судьба свела тридцативосьмилетнего лейтенанта флота Петра Шмидта и двадцатилетнюю Зинаиду Ризберг 22 июля 1905 года в поезде Киев – Одесса, отпустив на знакомство сорок минут. Все это время они обменивались ничего незначащими фразами и друг о друге, узнали лишь имена и отчества, да что оба разведены в первом браке. Потом были письма: трепетные, возвышенные, пространные от Петра, сдержанные, рассудочные, ласковые от Зинаиды. Потом восстание, арест и вторая очная встреча в сыром каменном каземате острова. Вид арестанта ошеломил светскую даму: перед ней стоял седой, изможденный человек, обреченный на смерть. Потом были почти ежедневные встречи под зорким оком часовых. Вот как описывает все происходившее в своих воспоминаниях Зинаида Ризберг: «...Два жандарма уселись у двери на табурет-

ках, а я, Шмидт и ротмистр прошли вглубь каземата и уселись за стол. Воздух был затхлый, сырой, тяжелый... Я почти каждый день, а то через день отправлялась в компании жандармов на катере к Петру Петровичу. Свидание продолжалось 15–20 минут, иногда час (если у острова задерживался катер)... Уезжая из каземата в этот день (очевидно 20-22 января 1906 – Авт.), я не думала, что

это было мое последнее свидание на острове. Дня через два стало известно, что произведено покушение на адмирала Чухнина в Севастополе и в связи с этим, прекращены мои свидания со Шмидтом. Тяжелые, томительные начались для меня дни...»[1].

Последний раз они увиделись в Очаковской тюрьме, после вынесения приговора мятежникам, а 20 февраля 1906 года присяжный поверенный Белавинский уже на палубе парохода, увозившего Ризберг в Севастополь, передал Зинаиде последнее письмо мятежного лейтенанта. Вот оно.



«20 февраля 1906 г. Транспорт «Прут»
Прощай!

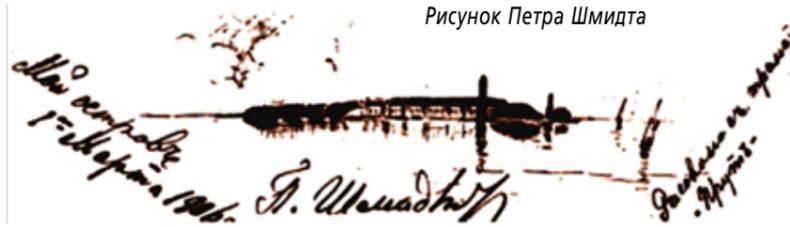
Сегодня принял приговор в окончательной форме, вероятно, до казни осталось дней 7-8. Спасибо тебе, что приехала облегчить мои последние дни. Живи. Забудь тяжелые дни и люби жизнь по-прежнему. Не жди приговора в России, поезжай в Испанию, там рассеешься, из газет все равно узнаешь, когда совершат казнь. Я совершенно счастлив и покоен. В моем деле было много ошибок и беспорядочности, но моя смерть все довершит, и тогда, увенчанное казнью, мое дело станет безупречным и совершенным. Живи для людей, они везде есть. Будь счастлива...»[2].



Так закончился семимесячный «почтовый роман» бунтаря Петра Петровича Шмидта (1867-1906), расстрелянного 6 марта 1906 года на острове Березань и светской дамы Зинаиды (Иды) Ивановны Ризнич-Ризберг-Русецкой (1879-1964), похороненной на московском Ваганьковском кладбище. На сохранившемся надгробии имеется надпись: «Здесь покоится прах З.И. Русецкой-Ризберг – друга лейтенанта П.П. Шмидта, героя революции 1905 года» [3]. Говорят, что много лет на ее столике стоял портрет Петра Шмидта, написанный вторым мужем профессором В.А. Русецким...

одном из них, вероятно служившем войсковой часовней, потолочный плафон и стены были расписаны библейскими сюжетами: «Поклонение волхвов», «Хождение Иисуса Христа по водам», «Вознесение господне». В нише слева изображен покровитель моряков, путешественников и несправедливо осужденных «Святой Николай», справа православный креститель Руси равноапостольный князь «Святой Владимир». В другом каземате, служившем некогда комнатой отдыха, на стенах изображены фантастические сюжеты на тему борьбы боевых пловцов с обитателями подводного мира...

Рисунок Петра Шмидта



Завершая рассказ о Шмидте, хочу познакомить читателя с последним рисунком этого неординарного человека, поразившим меня графической точностью изображения Первомайского острова, нарисованного на транспорте «Прут» за пять дней до казни.

Но открытия на этом не закончились. В других казематах, таких же сырых и неуютных, я увидел удивительные настенные росписи, сделанные кистью безвестного талантливого любителя живописи. В

Маяки Первомайского

Для указания ночью положения острова, по просьбе капитанов в 1876 году на северной оконечности установили небольшой маяк, но этого оказалось недостаточно. Аварии продолжались. Тогда командир Черноморского флота и портов адмирал М. П. Манганари, проконсультировавшись с парижской фирмой А. Лепота, разработал четкие требования к конструкции и способу доставки и монтажа маяков. В первых числах ноября 1882 года французская

фирма заказ выполнила. Из Парижа через Антверпен и Одессу на пароходе «James Barber» две железные башни были отправлены в Николаев. Но 12 ноября во время тумана «James Barber» потерпел крушение близ Одессы и затонул. Весь груз безвозвратно погиб. Только благодаря дальновидности Манганари, настоявшего на страховке груза, денежные потери оказались незначительными, а вот сроки строительства маяков пришлось сдвинуть вперед, пока в 1883 году в Николаеве не поставили новые башни. Створ начал действовать 21 августа 1884 года. Лощия Черного и Азовского морей 1892 года позволяет нам представить, как выглядели эти маяки: «Маячные башни железные решетчатые, красного цвета. Осветительные аппараты преломляющие 4-го разряда. Огни маяков постоянные, красные. Высота огней: дальнего 63 фута от уровня лимана, ближнего 45 футов. Математический горизонт: дальнего 9 миль, ближнего 7,7 мили... Расстояние между маячными башнями 48 саженей, направление створа NW и SO 86°24'. Створ этот совместно со створами Викторовским, Кинбурнским и Аджигольским служит для безопасного плавания... в западной части лимана. На нижнем маяке установлен колокол, в который звонят во время тумана, метели и мглы...» [4].

В октябре 1920 года бежавшие под натиском Советской Армии интервенты уничтожили маячные башни. Новый нижний (передний) маяк за-



ложили в 1925 году, построили в 1926 году. Он представлял 12,2 метровую башню, состоящую из двух частей: верхней – круглой трубы длиной 5,5 м и нижней – прямоугольного железобетонного параллелепипеда. Труба внутренним диаметром 2,0 м собрана впопай из чугунных профилированных фрагментов толщиной 2,5 мм, скрепленных болтовыми соединениями. Наверху площадка, в центре которой установлен фонарный отсек из листового металла с конической крышей высотой 2,15 м. Он разделен на глухую круглую нижнюю и частично застекленную восьмигранную верхнюю части. Внутри на высокой тумбе размещался преломляющий осветительный аппарат 4-го разряда с ацетиленовой горелкой. Для дневного наблюдения и обслуживания стекол фонаря устроена легкая наружная восьмигранная галерея, обнесенная перилами. Внутренний объем башни разделен на три отсека двумя перекрытиями из рубчатого железа, соединенных через входные люки литой ажурной чугунной лестницей, приклепанной к внутренней поверхности корпуса трубы. Всё сооружение покоится на квадратном железобетонном основании высотой 4,6 м. Параллелепипед

представляет своеобразный колодец размером 2х2 м, с толщиной стен около полуметра и использовался как служебное помещение. Как сказано в «Карточке-формуляре», чугунный маяк «установлен в 1926 году на северо-западной оконечности острова Первомайский в 2 м над уровнем моря на расстоянии 0,1 км от уреза воды. Освещает направление оси створа 272°3'–92°3' красным постоянным огнем на дальность 5 миль» [5]. Маяк постройки 1926 года сохранился до наших дней.

Во время обороны острова в августе – сентябре 1941 года створные маяки пострадали незначительно. После захвата острова фашисты использовали передний маяк днем как наблюдательный пост, а ночью как ориентир своим кораблям. Действовал ли задний маяк, не известно. Возможно, он служил только дневным ориентиром. После войны башни, побитые осколками снарядов, отремонтировали, и они продолжили свою маячную службу. В ноябре 1955 года, как сообщает Формулярная карточка, «Введен в строй вновь построенный задний маяк – металлическая ажурная ферма на бетонном основании с фонарем на вершине. На стороне фермы, обращенной к



Новый задний знак

линии створа черный прямоугольный щит с белой вертикальной полосой посередине» [6]. Высота знака от основания 21 м. Установленный на вершине башни осветительный аппарат 4-го разряда с ацетиленовой горелкой зеленым (от 269° до 276°), красным (от 351° до 7°) и белым (от 10° до 82°) огнями освещает пятимильное морское пространство. Днепо-Лиманские створные маяки острова Первомайский, как и в пору своего зарождения, бдительно несут свою бессменную вахту, предупреждая суда об опасности и указывая им верный путь в лабиринте морских днепровских дорог в порты Херсона, Очакова и Николаева.

Литература

1. Коган С. Последняя любовь лейтенанта Шмидта. http://www.odessapassage.com/passage/magazine_details.aspx?id=31571
2. Письма лейтенанта Шмидта. – Российская газета-Неделя от 25.02.2006. RG.RU Российская газета.
3. «Ваганьковский некрополь» (ТОО «Ледал, АДП, Лимитед», 1994 стр. 33).
4. Лощия Черного и Азовского морей, – Николаев: изд. Дирекции маяков и лоций Черного и Азовского морей, 1892
5. Формуляр-карточка навигационного освещаемого Днепровско-Лиманского створа. Передний знак.
6. Формуляр-карточка навигационного освещаемого Днепровско-Лиманского створа. Задний знак.